

В. Януковича отложить подписание ассоциативного членства с ЕС обернулось для него личной трагедией, а для Украины – очередным «майданом», который вывел российско-украинские отношения на катастрофический путь [7, с. 83].

Источники и литература

1. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018: учебное пособие для вузов / под ред. А.Д. Богатурова. – М., 2020. – 362 с.
2. Медведев, А.А. Подлинная история русского и украинского народа / А.А. Медведев. – М., 2015. – С. 7.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М., 2015. – С. 62–63.
4. Медведев, Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи / Р. Медведев. – М., 2010. – С. 583–634.
5. Космач, В.А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889–1924 гг.). История. Суждения. Мнения. Оценки / В.А. Космач. – Псков: Изд-во «ЛОГОС», 2016. – С. 445.
6. Космач, В.А. Западно-европейский фашизм в 1919–1945 гг. (Италия, Германия, Испания): история, суждения, мнения и оценки / В.А. Космач. – Псков, 2019.
7. Чемшит, А.А. Российско-украинский конфликт: причины, состояние, перспективы / А.А. Чемшит, Д.А. Чемшит, О.С. Стаценко // Вопросы истории. – 2022. – № 1(1). – С. 79.
8. Мудров, С.А. Российско-украинский конфликт и положение Украинской православной церкви / С.А. Мудров // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 163–172.

«МИР» АНДРЕ ТАРДЬЁ

В.А. Космач, г. Витебск (Республика Беларусь)

Статья посвящена книге известного политического деятеля и дипломата Франции первой половины XX в. Андре Тардьё под названием «Мир», которая была написана им в начале 1920-х гг., по «свежим следам» Парижской мирной конференции в Версале в 1919 г. В подготовке этой конференции, и в особенности, статей Версальского мирного договора, огромную роль сыграл А. Тардьё, который в Версале являлся членом французской делегации, возглавляемой Ж. Клемансо. Все перипетии сложной борьбы великих держав в Версале по «германскому вопросу» подробно излагает А. Тардьё в своей книге «Мир». Она – прекрасный источник по истории международных отношений и геополитики, а также истории стран Запада первой половины XX в.

Ключевые слова: Первая мировая война, мир, Версаль, великие державы, Франция, Германия, США, Великобритания, Версальский мирный договор, Саар, Рейн, репарации, армия, территории, конфликты, соперничество.

В 1943 г., в разгар Великой Отечественной войны, в Москве, в издательстве «Госполитиздат» на русском языке (перевод с французского сделал и вступительную статью написал известный историк Б.Е. Штейн) вышла книга активного политического деятеля Франции первой половины XX в., одного из творцов большинства статей Версальского договора 1919 г. Андре

Тардьё под кратким названием «Мир» [2]. Она посвящена знаменитой Парижской мирной конференции и Версальскому мирному договору, подведшими конечную, финальную черту под Первой мировой войной 1914–1918 гг. Об А. Тардьё с связи с его другой книгой («Франция и союзы», 1909) В.И. Ленин писал так: «Автор – Тардьё – дипломат сам, знаток! Много указаний на роль финансов. Обзор событий цельный, хороший. Полезно и необходимо, как история дипломатии с французской точки зрения». И напротив самого заголовка книги В.И. Ленин пометил: «Очень полезная вещь!» [2, с. III]. Тоже самое можно сказать о книге «Мир» Андре Тардьё.

Андре Тардьё родился 22 сентября 1876 г. в Париже. Многие поколения рода Тардьё были граверами, отдельные представители фамилии даже состояли в Королевской академии изобразительных искусств. Семья А. Тардьё жила в центре Парижа в большом доме, построенном на проспекте Мессин за 10 лет до его рождения. В 15 лет, учась в лицее Кондорсе, на общенациональном конкурсе он выиграл призы за сочинение на французском, по истории и за перевод на латинский язык; в следующем году занял первое место в конкурсе по истории, географии и сочинению на латыни, а еще через год повторил свой успех. Без труда поступил в Высшую нормальную школу, будучи самым молодым студентом в потоке. Прочувшись всего несколько недель, записался в 55-й пехотный полк, который располагался под Парижем. Как оказалось, его голова в буквальном смысле была слишком большой для армии, и несколько дней он был вынужден ходить в шляпе-котелке, пока военное кепи не было изготовлено на заказ. Но военная служба длилась недолго – в ходе весенних маневров Тардьё упал с велосипеда под телегу с боеприпасами и сломал плечо, после чего был переведен в резерв. Вернувшись в Париж, он подал документы на юридический и филологический факультеты Парижского университета и вскоре получил научную степень по филологии.

Связи семьи Тардьё не раз помогали ему двигаться по карьерной лестнице. В сентябре 1897 г. через отца он познакомился с министром иностранных дел Габриэлем Аното, и тот порекомендовал его послу в Берлине маркизу де Ноай, который как раз искал нового атташе. Дед Тардьё был хорошим другом маркиза, что помогло ему получить должность. «Я уезжаю в Берлин. Поездка дорогостоящая, но необходимая для будущего», – написал он отцу. В Берлине Тардьё постигал азы дипломатии, познакомился с влиятельными людьми, быстро освоил немецкий язык. В 1898 г. Тардьё был приглашен на работу помощником в кабинет нового министра иностранных дел Теофиля Делькассе, известного своей одержимостью реваншем. Зимой того же года Тардьё дебютировал в качестве журналиста под псевдонимом Жорж Вилье, написав серию статей для «Фигаро» в защиту политики Делькассе после капитуляции в Фашоде.

23 июня 1899 г. премьер-министр Пьер Вальдек-Руссо (друг отца и дядя мужа сестры Тардьё) назначил его уполномоченным по иностранным делам, учредив для него должность секретаря государственного совета, или политического секретаря. Тардьё вел переписку премьера,

принимал его гостей, замещал на заседаниях, подготавливал законопроекты. Весной 1902 г. он занял должность заместителя инспектора при Министерстве внутренних дел. Инспекторы проводили от трех до шести месяцев в году в разъездах, проверяя различные службы в департаментах и коммунах с целью обеспечения единообразия и централизации. Занимаясь внутренними проверками, Тардьё досконально узнал работу госпиталей, санитарной системы, полиции, тюрем Франции. Его четкие и информативные отчеты в будущем использовались в качестве примера для молодых инспекторов. Сам Тардьё вспоминал: «Полученное мною в детстве, молодости и зрелости образование независимо от меня способствовало тому, что я служил системе: в течение 20 лет как чиновник и как писатель, а затем еще 20 лет как депутат и министр» [1, с. 100–101].

Между тем он добился известности в журналистике под своим псевдонимом. Будучи обозревателем по иностранным делам в «Фигаро», Тардьё в 24 года получал 12 тыс. франков ежегодно – больше 30 сантимов за строчку, что делало его самым высокооплачиваемым журналистом Франции. Через Делькассе он имел доступ к посольствам в Париже и даже к иностранным правительствам. Тардьё специализировался на интервью с иностранными государственными деятелями. Одним из самых запоминающихся было интервью с немецким канцлером фон Бюловым 30 мая 1902 г., неожиданно сообщившим о благожелательном отношении Германии к Франции. Впоследствии из-за ссоры с издателем Гастоном Кальметтом, пытавшимся заработать на репутации Жоржа Вилье как представителя Кэ д'Орсэ, Тардьё порвал с «Фигаро» и всего через два месяца устроился в «Тан» – на тот момент самую влиятельную газету в Европе. Газета имела своих корреспондентов в европейских столицах и даже в США, которые присылали в редакцию эксклюзивную информацию. Каждый уважающий себя член парижского общества считал своим долгом прочитывать огромные полосы этой газеты. Редакционные колонки, написанные Тардьё по международным проблемам, оказывали такое влияние на дипломатию, что немецкий канцлер фон Бюлов как-то сказал: «В Европе все решают шесть великих держав и месье Тардьё» [1, с. 101].

В 1908 г. Андре совершил поездку в США, где выступал с лекциями в Гарварде и писал для «Тан». По возвращении опубликовал книгу «Заметки о Соединенных Штатах Америки», где живо и колоритно описал общественную и политическую жизнь США.

В апреле 1914 г. Тардьё был избран депутатом от департамента Сена и Уаза. Сразу после начала войны в звании младшего лейтенанта стал переводчиком, ответственным за взаимодействие третьего бюро Генерального штаба (где вырабатывали оперативные планы сухопутных войск) с командованием и обеспечение связей с прессой и иностранными военными атташе. Вскоре был отправлен в пехотные войска, сражался в Шампани и на севере, а с декабря 1914 г. по май 1915 г. был прикомандирован к Генеральному штабу. К концу 1915 г. был произведен в капитаны и командовал ротой стрелков. С июня 1916 г. продолжил деятельность в парламенте. В первые месяцы 1917 г. был замешан в политических

кулуарных интригах, приведших к отставке военного министра Юбера Лиотэ, а затем и премьер-министра Аристиды Бриана [1, с. 102].

Вскоре Тардьё очень быстро устраивается на работу при штабе генерала (впоследствии маршала) Фора. Впрочем, на этой работе Тардьё останется недолго. Вскоре он получает весьма ответственное назначение. Его посылают в Америку в качестве верховного комиссара для наблюдения за изготовлением и отправкой амуниции и продовольствия во Францию. Кроме того, Тардьё дается и более деликатное поручение: он должен организовать подкуп «нужных людей» для проведения ими политики, соответствующей интересам французских правящих кругов.

О деятельности Тардьё в качестве верховного комиссара в США имеется свидетельство Пуанкаре. 11 июля 1929 г. Пуанкаре заявил в палате депутатов, что американским промышленникам при посредстве Тардьё было выплачено 2933 млн долл., причем их поставки стоили лишь 1093 млн долл. Отсюда следует, что 1840 млн долл. было выплачено американским поставщикам в качестве «сверхприбыли», по выражению Пуанкаре. Можно себе представить, сколько «частных сделок» было заключено за время пребывания Тардьё в США между ним и американскими поставщиками!

В декабре 1918 г. премьер-министр Клемансо – политический друг покровитель и учитель Тардьё – поручает ему техническую подготовку мирного договора. Тардьё входит в качестве представителя Франции в большинство комиссий по выработке текста мирного договора.

Роль Тардьё в выработке текста Версальского договора и борьба за этот текст были поистине громадны. По существу, Тардьё являлся ближайшим сотрудником и проводником заданий Клемансо. Тардьё, а не министр иностранных дел был постоянным представителем Франции в большинстве комиссий и комитетов. Когда Вильсону или Ллойд Джорджу нужно было воздействовать на Клемансо, то предварительно разговаривали с Тардьё. Именно ему Клемансо поручил написать ответ на знаменитый меморандум Ллойд Джорджа, который назывался «Меморандум из Фонтенебло» [2, с. IV].

При редактировании любой статьи Версальского договора Тардьё применял формулу, ставшую затем знаменитой: «немец заплатит». Этот лозунг был решающим. 2 сентября 1919 г., выступая в палате депутатов от имени правительства и предлагая ратифицировать Версальский договор, Тардьё заявил: «Мы получили все, что требовали, и даже больше».

Тардьё был доверенным Клемансо до тех пор, пока последний сохранял в своих руках полноту власти. Решительные и резкие приемы Клемансо, его политическая программа «сильной власти» импонировали Тардьё и вызывали его восхищение. Версальский мир, как известно, был лебединой песней Клемансо-политика. Клемансо жил еще некоторое время, но как политик он умер в тот момент, когда Национальное собрание провалило его кандидатуру в президенты республики, предпочтя бесцветную фигуру Дешанеля. С окончанием политической карьеры Клемансо немедленно окончилась и дружба Тардьё со старым «учителем и другом». Клемансо ушел в частную жизнь, объявив Тардьё своим политическим

наследником и передав ему редакторский пост в «Echo National». Тардьё принял это политическое наследство и... не замедлил войти в кабинет давнишнего врага Клемансо – Пуанкаре. Эта измена настолько подействовала на Клемансо, что последний полностью порвал с Тардьё [2, с. VI–VII].

В правительстве Пуанкаре Тардьё получил портфель министра общественных работ и освобожденных провинций; а затем вскоре был назначен министром внутренних дел. Портфель министра внутренних дел во Франции дает в руки его носителя огромную власть над централизованным полицейским и административным аппаратом. Устраивая в различных звеньях этого аппарата «своих людей», можно блестяще проводить ряд Дел. Этим и занялся Тардьё.

В ноябре 1929 г. Тардьё в первый раз становится премьер-министром Франции. Премьер-министром Тардьё был дважды. Характерной особенностью его обоих кабинетов являлось прежде всего огромное количество министров и статс-секретарей. Так, в первом кабинете было 16 министров и 12 статс-секретарей. В следующем кабинете было уже 18 министров и 16 статс-секретарей. Тардьё увеличивал количество министерских постов не случайно. В его руках министерский портфель превращался в средство подкупа лидера той или иной парламентской группы или нужного человека из делового мира. Тардьё не добивался политической однородности своего правительства. Чем более разнообразным оно было, чем больше политических тенденций в нем было представлено, тем Тардьё чувствовал себя лучше, тем больше мог он лавировать в парламенте, выставляя то направо, то налево заслон в виде соответствующих членов своего правительства [2, с. VII].

За время своего пребывания у власти в качестве премьер-министра Тардьё имел немало заслуг перед крупной буржуазией, перед пресловутыми «200 правящих семейств» во Франции. Внутренняя политика Тардьё проводилась под знаком беспощадной, борьбы с рабочим классом, коммунистической, партией и рабочими организациями. Тардьё во много раз увеличил полицейский аппарат, возглавлявшийся реакционнейшим префектом парижской полиции Кьяппом. Правление Тардьё совпало с наиболее грозными для капитализма годами мирового экономического кризиса. С последним Тардьё боролся методами Гувера, используя для этой борьбы валютные запасы французского банка и подготавливая дальнейшее обесценение франка, которое и получило в наследство после хозяйничания Тардьё и его преемников пришедшее к власти в 1936 г. правительство, опиравшееся на Народный фронт.

Будучи премьер-министром, Тардьё открыто не выявлял своей политической программы, которую он опубликовал значительно позже, и которая заключалась в требовании «диктатуры, сильной власти». Не выявляя своих стремлений, Тардьё систематически подготавливал почву для этой будущей диктатуры. В частности он совершенно обновил состав высшего военного совета и поставил во главе его генерала Вейгана,

являвшегося, так же как и Тардьё, сторонником «сильной власти» и тесно связанного с французскими фашистскими организациями [2, с. VIII].

Карьера Тардьё на посту премьер-министра Франции была временно прервана очередной «неприятностью». Внезапно вся Франция узнала об афере Устрика. Этот «финансист» при содействии и попустительстве ряда политических деятелей осуществлял в продолжение длительного периода циничный грабеж французской казны. Убытки, понесенные французским банком в результате финансовых «комбинаций» Устрика, были огромны. В ноябре 1930 г. стало известно, что Тардьё и его министры, ряд адвокатов и деловых людей были теснейшим образом связаны с Устриком. Перед следственной комиссией Тардьё вынужден был признать, что он не только знал Устрика, но и имел с ним ряд «совещаний» в своем служебном кабинете премьер-министра. Более того, Тардьё заявил, что он завтракал несколько раз у мадам Абель Фери (подруга Устрика, на обязанности которой лежала организация деловых встреч). Правда, тут же Тардьё прибавил, что он завтракал не один, а с Блюмом, Поль Бонкуром и другими.

В связи с аферой Устрика Тардьё был вынужден покинуть пост премьер-министра Франции. Несмотря на все его заслуги перед монополистическим капиталом, последнему оказалось неудобным сохранять Тардьё у кормила власти, по крайней мере до той поры, пока не пройдет возбуждение, созданное делом Устрика. Тардьё становится министром земледелия, а затем военным министром в двух правительствах Лавала.

В мае 1932 г. левый картель (блок) одержал большую победу на выборах. С этого момента Тардьё переходит в оппозицию. Накануне своего ухода от власти Тардьё пытается спровоцировать новую провокацию против Советского Союза, который он остро ненавидел. Эта провокация Тардьё была связана с убийством белогвардейцем Горгуловым президента французской республики Поля Думера. Убийство произошло 6 мая 1932 г., в то время, когда Тардьё находился у власти [2, с. IX].

Андрэ Тардьё трижды занимал должность премьер-министра Франции: с 3 ноября 1929 г. по 17 февраля 1930 г. (первое правительство Тардьё), с 2 марта по 4 декабря 1930 г. (второе правительство Тардьё) и с 20 февраля по 3 июня 1932 г. (третье правительство Тардьё). После убийства президента Третьей республики Поля Думера и до избрания президента Альберта Лебрена исполнял обязанности президента Франции (с 7 по 10 мая 1932 г.).

В 1934 г. Тардьё опубликовал книгу «Час решений», в которой обосновал свою политическую программу ревизии конституции Третьей республики.

Суть программы Тардьё сводилась к следующим пунктам: 1) предоставление президенту республики по предложению премьер-министра права роспуска палаты депутатов, не спрашивая на это согласия сената; 2) лишение палаты депутатов права увеличивать расходы в бюджете и сокращать доходы, предоставив эти права только правительству; 3) предоставление президенту по предложению премьер-министра права

организации референдума; 4) лишение государственных служащих права стачек и коалиций (права принадлежности к профсоюзу и т.д.).

Смысл предлагавшихся Тардьё реформ заключался в создании «легальных» форм для установления «сильной власти», т.е. подготовки фашистской диктатуры.

Программа Тардьё немедленно сделалась программой всей французской реакции. Буржуазная пресса и ряд буржуазных политиков (бывший президент Думерг и др.) выступили с полной поддержкой «плана Тардьё», восхваляя его «как единственный путь к спасению».

В 1934 г. Тардьё считал еще необходимым держаться «легального» пути. Он проповедовал ревизию конституции, пытаясь привлечь на свою сторону консервативного мелкого буржуа и выступить перед ним в качестве защитника «демократии и легальности». Неудача попыток образовать «сильную власть» при помощи конституционных форм, создание Народного фронта и его первые успехи вызвали перегруппировку реакционных сил в лагере крупной буржуазии. Вновь Тардьё сформулировал (в течение 1935 и 1936 гг.) программу, которая ставила крест на «легальности» и «законности». Тардьё объявил (в частности, в своей книге «По наклонной плоскости» и в своих выступлениях), что единственным спасением от катастрофы для буржуазии является «сознательная революция» [2, с. XI].

Тардьё мечтал сделаться лидером объединенной реакции и осуществить (любыми средствами) фашистский государственный переворот, который снова привел бы его к власти, но уже в качестве полновластного диктатора Франции. Хозяева Тардьё не рискнули его поддержать и немедленно поставили ставку на открытый государственный переворот, в особенности после неудавшегося путча в феврале 1934 г.

Тардьё оказался за бортом. Его услуги, его претензии играть роль диктатора Франции оказались ненужными. В последние предвоенные годы Тардьё сходит с политической арены. Все реже и реже мелькает его имя на столбцах большой печати. Лишь однажды, уже незадолго до второй мировой войны, газеты снова занимаются Тардьё, но лишь кратко-временно, и то в связи с его женитьбой.

Вторая мировая война не дала возможности Тардьё выплыть на поверхность большой политики. В конце 1940 г. радио из Берлина передало, что «бывший премьер-министр Франции Тардьё душевно заболел и был помещен в психиатрическую лечебницу» [2, с. XII]. Умер Андре Тардьё 15 сентября 1945 г.

Андре Тардьё, как уже было сказано, играл на Парижской конференции исключительно крупную роль. Формально он был только одним из членов довольно многочисленной французской делегации, которая имела в своем составе такие имена, как Клемансо, Леон Буржуа, Пишон, Лушер, Жюль Камбон, Клоп, Лейг и др. По существу же Тардьё был ближайшим и интимным помощником Клемансо, его доверенным лицом, его личным представителем. Роль Тардьё на Парижской конференции, роль его в создании текста Версальского договора открыто признает

Клемансо. Эта роль была, в частности, зафиксирована тем фактом, что из 25 комиссий, созданных «советом четырех» на Парижской конференции, Тардьё входил в 13, причем эти 13 были наиболее решающими.

Все сказанное позволяет считать Тардьё одним из главных авторов Версальского договора [2, с. XI–XII]. Об этом же свидетельствует и его книга под кратким названием «Мир». На русском языке она вышла в издательстве «Госполитиздат» в Москве в 1943 г. под редакцией Б.Е. Штейна, который сделал перевод с французского и написал вступительную статью [2, с. III–XXIV].

Первую главу своей книги «Мир» А. Тардьё назвал «Агрессия» и посвятил ее анализу предвоенной обстановки в Европе накануне Первой мировой войны, начиная с франко-прусской войны 1871 г. [2, с. 1–26]. При этом Франция изображается как жертва Германии. Тардьё подчеркивает, что «Германия хотела войны» [2, с. 11] и что «в Германии идея войны неразделима с идеей родины» [2, с. 12]. Он показывает в процентах увеличение военных расходов шести великих европейских держав с 1883 по 1913 г., где у Германии первое место [2, с. 16]: Франция – 70%; Италия – 108%; Австрия – 111%; Россия – 114%; Англия – 153%; Германия – 227%.

Тардьё подчеркивал, что в 1914 г. все немецкие политические партии, в том числе оппозиция (СДПГ), были готовы в едином порыве поддержать свое правительство в войне, в том числе разгром Франции за три недели [2, с. 21]. Первая глава начинается утверждением А. Тардьё о том, что «история не знает более грубого нарушения международного права, чем нападение Германии на Францию 2 августа 1914 г. Не бывало и более преднамеренного» [2, с. 1].

Вторую главу своей книги А. Тардьё назвал «Война и перемирие» [2, с. 27–67] и начал словами о том, что «Франция играла в войне особую роль» [2, с. 27]. Это утверждение Тардьё обосновывает многочисленными факторами и цифрами. Высоко оценивает он и роль союзников по Антанте, но есть неточности. Например, названо число потерь в живой силе России в Первой мировой войне – 1700 тыс. солдат и офицеров [2, с. 35, 42]. На самом деле Россия потеряла в той Великой войне как минимум 2500 тыс. погибшими.

Но для Тардьё, Франция – превыше всего! Он снова отмечает, что «подвиг Франции на поле брани останется непревзойденным в истории» [2, с. 31], «она была щитом цивилизованного мира и гарантией победы» [2, с. 41]. Много внимания в этой главе А. Тардьё уделяет самой разработке всего механизма условий перемирия с Германией на условиях союзников и «14 пунктов» Вильсона, что приведет побежденную Германию в Компьен [2, с. 42–68].

Главу третью, «Конференция» А. Тардьё посвятил началу работы Версальской мирной конференции, ее повестке и предстоящим решениям, в том числе по «русскому вопросу», а также принципам работы Совета четырех [2, с. 69–111]. В самом начале главы он отметил: «Работа, которую предстояло проделать участникам конференции, была огромна и

не имела прецедентов, равно как огромна была и сама война, завершением которой должен был явиться мир. Огромна она была прежде всего по своим масштабам: впервые в войне принимали участие целые народы; 70 миллионов мобилизованных, 30 миллионов раненых, 8 миллионов убитых; ничего подобного не знала история: одних убитых было больше, чем солдат во всех наполеоновских армиях. Огромна она была так же и по сложности своих составных элементов; поскольку война велась всей нацией, она втянула в свою орбиту все национальные силы: земледельческие, промышленные, коммерческие, финансовые, и мирный договор должен был учесть интересы всех этих сил» [2, с. 69].

Главным лейтмотивом главы четвертой, «Разоружение», стали слова А. Тардьё о том, что «непривычным делом было разрушить военную мощь самой воинственной в мире нации, но это дело было предпринято и выполнено с мужеством, достойным великих солдат нашей родины. Удар был нанесен по голове упразднением генерального штаба армии, военных школ, мобилизационных работ. Удар был нанесен основе военной мощи упразднением конскрипции и сокращением численности войск до 100. тысяч человек при 12-летнем сроке службы. Что касается вооружения и военного снаряжения, запрещены были вся тяжелая артиллерия, танки, авиация, газы, право что-либо из этого хранить и право производить что-либо заново. Германии разрешено было оставить себе 288-полевых орудий, сконструированных на заводах, выбранных союзниками, контролируемых ими же, число которых они могли в любой момент ограничить. Можно ли было идти дальше, не давая оснований к возражению, которое часто пускали в ход наши союзники: «В таком случае придется защищать и гарантировать Германию?» [2, с. 125].

Главу пятую А. Тардьё назвал «Левый берег Рейна» [2, с. 129–171]. Тардьё пишет: «Самые ожесточенные дебаты' на конференции вызвал вопрос об оккупации левого берега Рейна. Ни один вопрос так ярко и убедительно не выявил различия национальных психологий– этого препятствия, стоящего, на пути ко взаимному пониманию честных правительств и народов, связанных, объединенных победой и пролитой кровью. Для нас, французов, оккупация левого берега Рейна, и предместных укреплений была не только необходимой гарантией осуществления договора, но и уверенностью в невозможности повторения грабительского нападения, дважды имевшего место на протяжении 50 лет. Для остальных, хотя и связанных душой и телом с грозившими нам вчера и предстоящими. завтра опасностями, эта оккупация, каковы бы ни были ее формы и длительность, в связи с различным подходом к толкованию исторических событий представлялась неоправданной, бесполезной и рискованной [2, с. 129].

В шестой главе, «Союзы», А. Тардьё подробно анализирует союзнические договоренности и отношения Франции с США, Великобританией и Бельгией [2, с. 172–197]. Седьмая глава носит название «Эльзас и Лотарингия» и посвящена весьма болезненной для Франции теме [2, с. 198–212]. Тардьё пишет: «В тот день, когда Эльзас и Лотарингия с ликованием

встретили наши победоносные войска, весь мир понял, чем были эти две провинции для Франции. Верность их нашей стране относится к далекому прошлому...

С 1871 по 1914 г. разыгрывалась драма двух миллионов человек, отстаивавших свой национальный дух от империи грубого насилия. Как в Эльзас-Лотарингии, так и во Франции и за границей 360 тысяч эльзасцев и лотарингцев заявляли о том, что при праве оптации они отдадут предпочтение Франции. Те, кто оставался на месте, также к ним присоединились. Но с безжалостной суровостью на обе провинции обрушилась германизация. Как административными мерами, так и обучением изгонялось все, что напоминало о прошлом» [2, с. 198–199].

Насчет Саара (глава восьмая «Саар») А. Тардьё заявил, что «проблема Саарского бассейна принадлежит к числу таких проблем, которые были, по крайней мере вначале, хуже всего поняты американскими делегатами на мирной конференции и Америкой вообще. Это – единственная проблема, в связи с которой возникли и десять дней продолжались распри между представителями Франции и Соединенных штатов, в иные часы, перераставшие в подлинный конфликт. Именно она дала повод к самым оскорбительным обвинениям против нас. Тем более не следует оставлять что-либо в тени. Я день за днем опишу происходившие переговоры. Я оглашу документы, еще нигде не опубликованные, в которых Франции нечего скрывать, не о чем жалеть, нечего изменять.

Проблема двойная и потому трудная; с одной стороны, экономическая из-за угольных копей, обладание которыми и юридически и фактически необходимо было нации, систематически разоряемой Германией, но также моральная и историческая, так как население большей части этой территории по своему происхождению, по своим традициям и стремлениям было французским» [2, с. 212].

Глава девятая, «Требования долгов союзниками», отражает прения и противоречия между государствами Антанты, и прежде всего, между США, Великобританией и Францией, по вопросу репараций и контрибуций с побежденной Германией [2, с. 236–270]. В центре внимания союзников стояло их требование к Германии обеспечить выполнение двух долгов. «Первый долг состоял в том, чтобы обеспечить безопасность, второй – в том, чтобы организовать репарации. Оба эти долга были общими для всех, но для Франции их насущный характер подчеркивался трагическим опытом.

Здесь еще раз французские интересы совпадали с общими интересами и справедливостью. За нарушения, причиненные войной, Германия несет двойную ответственность: прежде всего потому, что она спровоцировала их своей преднамеренной агрессией, затем потому, что она усугубила их своей методической, дикой жестокостью. Война – это зверство. Развязывая ее, Германия знала, что делает, но тем методом, каким она эту войну вела, она еще усилила ее зловещий характер. Война жестока для гражданского населения – вот какой была построенная на расчете быстрой победы доктрина германского генерального штаба, часто

проповедуемая «ex cathedra» (публично) еще до того, как Лувен и многие другие города познакомились с отвратительным применением ее на практике. Но война жестока также и потому, что она преследует цель возможно лучше использовать наступающее вслед за нею мирное время и при помощи меча добывать себе золото, – вот какой была доктрина германских промышленников, видевших в противнике на полях сражения возможного конкурента завтрашнего дня. Большая часть разрушений производилась систематически и не во время боев, а с целью надолго разорить оккупированные местности и подготовить почву для выгодного сбыта германской продукции в будущем. Такая концепция войны, подчеркивая ответственность побежденного теперь агрессора, вдвойне оправдывала самое полное возмещение понесенных убытков [2, с. 236–237].

К побежденной Германии, отмечает В. Тардьё, было проявлено милосердие, так как «союзники, которым война стоила более 1 тысячи миллиардов, по смыслу договора требуют от Германии около 350 миллиардов» [2, с. 269]. В целом, по механизму взимания репараций с Германии в Версале было решено следующее:

«1. Германия ответственна, поскольку она их причинила, за всю совокупность потерь и убытков, понесенных победителями в результате ее агрессии.

2. Германия ввиду непрерывного уменьшения ее ресурсов, проистекающего для нее из договора, обязана (но обязана к этому безоговорочно и безусловно) лишь к возмещению прямых убытков и выплате пенсий в тех размерах, как это уточнено в приложении I части VIII договора, по ценам в момент восстановления.

3. Германия заплатит до 1 мая 1921 г. 20 миллиардов марок золотом деньгами или натурой.

4. Не позднее 1 мая 1921 г. Комиссия по репарациям установит общую сумму долга Германии.

5. Этот долг будет погашаться годовыми платежами, сумму которых Комиссия будет устанавливать вперед для каждого года.

6. Платежи будут происходить в течение 30 лет и в течение более продолжительного срока, если к концу 30-го года долг еще не будет погашен.

7. Германия выпустит на 100 миллиардов марок золотом бонны на предъявителя и в последующем все те бонны, каких потребует от нее Комиссия по репарациям, пока не будет достигнута сумма долга. Это последнее устанавливается в целях мобилизации долга.

8. Платежи будут осуществляться наличными и натурой. Поставки натурой будут производиться углем, скотом, продукцией химической промышленности, судами, спущенными на воду и находящимися в процессе строительства, машинами, орудиями производства и различными предметами движимого имущества. Платежи деньгами будут состоять из металлической наличности, находящейся за границей авуаров (долгосрочных вложений) Германии, как государственных, так и частных, и

будут обеспечиваться преимущественным правом кредиторов на все имущество и средства империи и германских государств.

9. Комиссия по репарациям, которой поручено обеспечить выполнение этих статей, будет располагать правом контроля и вынесения решений. Она будет Комиссией по германскому долгу, наделенной самыми широкими прерогативами. Призванная выносить постановления согласно «справедливости, праву и добросовестности, не будучи связана каким-либо кодексом, законодательством или специальным уставом», она получает от Германии зафиксированное самим договором «непреложное признание своей власти». Она должна будет – и это является основным пунктом – контролировать вплоть до момента погашения долга «положение Германии, ее финансовые операции, ее имущество, ее производительные силы, ее продовольственные запасы, ее текущую продукцию», убеждаться как в том, сколько Германия может каждый год заплатить, так и в том, что ее платежи, будучи прибавлены к ее бюджету, обложат ее налогоплательщиков по меньшей мере в такой же степени, как обложены налогоплательщики любой из союзных стран с самыми высокими ставками налогов. Ее решения будут «тотчас же подлежать исполнению и будут немедленно проводиться в жизнь без дальнейших формальностей». Она своими предложениями может требовать всех необходимых изменений германских законов и уложений, равно как принятия любой финансовой, экономической или военной санкции при установленных нарушениях постановлений, подлежащих ее контролю. Германия заранее обязывается не рассматривать такие санкции, каковы бы они ни были, как враждебные акты» [2, с. 267–268].

Главу девятую логично продолжила глава десятая – «Германские платежи» [2, с. 271–300]. С одной стороны, она рассматривала материальные, людские и финансовые возможности Германии, с другой – А. Тардьё детально проанализировал гарантии и контроль над взиманием репараций, а также финансовую солидарность и приоритеты союзников в этом деле. А. Тардьё называет людские потери Германии в войне – 1800 тыс. чел. убитыми и 4 млн ранеными [2, с. 273]. Особенно острые противоречия по вопросу германских платежей возникли между Парижем и Лондоном [2, с. 294–300].

Интересна глава 11. А. Тардьё назвал ее «Германское единство», отметив, что «Бисмарк создал единство Германии, его гений определил масштабы этого единства, но Бисмарк создавал его не один, и нельзя объяснять германское единство только его гением» [2, с. 307]. Еще в 1820–1830 гг. Геррес, а не Бисмарк (он лишь повторит это) заявил, что, если понадобится, то германское единство «надо создавать железом и кровью» [2, с. 310]. А. Тардьё подчеркивает, что «ни правительства, ни парламенты, ни даже пресса не требовали в течение войны уничтожения германского единства» [2, с. 314], в Версале «все союзники говорят то же самое» [2, с. 315].

Большая 12-я глава («Результаты мирного договора») посвящена у А. Тардьё политическим и экономическим итогам Версальского мирного договора [2, с. 327–372]. В самом начале главы А. Тардьё пишет: «Когда 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского

дворца представители Германии подписали мирный договор, вся Франция невольно вспомнила день 8 января 1871 г.: контраст разительный, еще более глубокий, чем могли думать современники. Версальский договор вычеркивал не только Франкфуртский договор, но и полтора столетия превратностей и неудач, – полтора столетия, за время которых наша судьба в силу своей парадоксальности сочетала необычайный размах французской мысли со все усиливающимся упадком французской политики: упадком в XVIII веке, когда кусок за куском монархия бестолково растеряла нашу колониальную империю; упадком на пороге XIX века, когда договоры 1815 г., удалив нас с Рейна, водворили там Пруссию; упадком в конце этого века, когда из-за ошибок Второй империи, орудия бисмарковского господства, Бисмарку были отданы Эльзас и Лотарингия. А затем наступили 43 года мира, –мира," описанного мною в начале этой книги, -мира навязанного, мира тягостного, мира угрожающего, отмеченного в 1911 г. – уступкой части Конго, мира, закончившегося агрессией 1914 г. и шесть недель спустя вторжением улан в Люзарх. Подписав в 1919 г. Версальский договор, Франция искупила 150 лет разочарований и неуверенности в собственной безопасности; это было чудесное возрождение, блестящая удача которого диктовала участникам переговоров закон поведения. Этот закон сводился к двум словам: безопасность и солидарность, причем последняя была условием и гарантией первой. Такова была с января -по июнь 1919 г. мирная политика Клемансо. Всякая иная не имела бы завтрашнего дня. Для Франции, восстановленной в ее единстве, тесная дружба с Бельгией, Великобританией и Соединенными штатами в час подписания договора обеспечила такой политике характер постоянства. Что же означает новое распределение сил в тот момент, когда оно определилось для Европы, являющейся их театром действий?

Прежде всего о неприятеле. Германия, за шесть лет до даты подписания полная владычица безропотно покорившегося континента, не переставала щетиниться угрозами, но теперь она была урезана, разоружена, осуждена, за нею был установлен надзор. Она щетинилась угрозами? Да, потому что это была агрессивная нация, утверждающая свое моральное единство отрицанием своей ответственности и мечтой о реванше. Она была урезана? Да, потому что договор справедливо лишал ее восьмой части территории, восьмой части населения, потому что он освобождал от ее ига провинции, где ее военная и промышленная мощь находили для себя наиболее надежную базу, потому что у нее не было больше ни колоний, ни торгового флота, ни того престижа, которым, пуская людям пыль в глаза, она пользовалась на протяжении 50 лет. Она разоружена? Да, путем упразднения ее большого генерального штаба и ее военных училищ, путем сокращения до 100 тысяч) численности ее войск, путем отмены обязательной воинской повинности, путем уничтожения ее флота, ее пушек, ее военных материалов и оборудования, путем установления в 50 километрах к востоку от Рейна, ее военной границы, путем ограничения возможных мобилизаций на территории между Эльбой и Везером. Она осуждена? Да, путем подтверждения во всех статьях мирного договора ее коллективной и

индивидуальной ответственности, путем возложения на нее финансовых обязательств, путем оповещения о ее преступлениях и о санкциях, предусмотренных против их авторов. За нею установлен надзор? Да, путем права на военный контроль, порученный на ее территории представителям Лиги наций, путем предоставления Комиссии по репарациям неограниченных полномочий в вопросах финансового порядка, путем могущей в случае надобности быть продолженной оккупации левого берега Рейна и его предмостных укреплений. Пред лицом побежденного агрессора Франция, чувство справедливости которой теперь удовлетворено возвращением к родному национальному очагу эльзасцев и лотарингцев, а также освобождением французов Саарской области, располагает для сохранения плодов своей победы гарантиями если и не совершенными, то во всяком случае качественно превосходящими все, какими она когда-либо на протяжении всей своей истории располагала» [2, с. 327–328].

В том же духе А. Тардьё высказывается об Италии, Австро-Венгрии и Турции – союзниках Германии по Первой мировой войне [2, с. 328–337]. «Теперь, – пишет А. Тардьё, – мы подошли к великому пробелу договора – России, этому огромному миру, оставшемуся не урегулированным, этой тайне и угрозе, ибо если Германия завладеет Москвою, что останется от безопасности в Европе? Парижская конференция не разрешила русской проблемы, и из всех критических суждений, которые изглядятся со временем, только это последнее сохранит история. Могла ли конференция разрешить ее? Судя по тому, какие усилия потребовались, чтобы помешать ей эту проблему усложнить, приходится сомневаться в этом, Еще 27 октября 1918 г. Франция наметила конечную цель и в письме к главнокомандующему восточными армиями Клемансо предписывает ему разработать план, предназначенный «не только продолжать в России борьбу против центральных держав, но и осуществить экономическую блокаду большевизма и вызвать его крах». 5 ноября, на следующий день после подписания перемирия с Австрией от 4 ноября, предлагая генералу д'Эспере «сконцентрировать против Германии максимум» своих средств», Клемансо советует ему подумать «о возможной кампании в южной России с привлечением британских армий Палестины». Последствием этих предписаний некоторое время спустя явилась оккупация Одессы. Но чтобы идти далее, необходимо было согласие союзников, а этого-то согласия и не было. 12 января 1919 г. Ллойд Джордж рекомендовал созвать в Париже все русские правительства, в том числе и советское правительство, Клемансо отклонил это предложение, но вынужден был согласиться на Примцевы острова. Напрасно в последующие месяцы французский генеральным штаб уточнил способы блокировать большевизм: все уклонились. Франция не могла ни действовать в одиночестве в России, ни порвать со своими союзниками из-за России в такой момент, когда на карту были поставлены ее жизненные интересы, Саар, левый берег Рейна, репарации. Имея дело с англичанами, которые подобно генералу Бота и генералу Гофу говорили: «Большевистская опасность – это всего только огородное пугало», и с американцами, которые вместе с президентом Вильсоном

говорили: «Все проекты о восстановлении восточного фронта наводят на мысль о человеке, который при помощи метлы хотел бы остановить морской прилив», имея дело с союзниками, отступавшими перед всяким решением и проявлявшими нерешительность даже в вопросе блокады Балтийского моря, – возможно было проводить только политику выжидательную и политику наименьшего зла, Такою и была политика Клемансо. Он помешал признанию Советов» [2, с. 337–338].

«В принципе, – заявлял Клемансо, – я не сторонник разговора с большевиками не только потому, что это преступники, но также, и даже в большей степени, потому, что, вступая с ними в беседу, рискуешь только больше их усилить.

Опасность очень велика. Она распространилась на провинции Прибалтики, Польшу, Венгрию. Из Вены, равно как и из Будапешта, поступают тревожные сведения. В этом для Франции и для Италии кроется угроза, с которой нельзя не считаться.

Мы обязаны бороться против большевиков. Они хитры и в совершенстве владеют искусством расставлять ловушки...

Если бы, на наше несчастье, мы на эту удочку попались, вы скоро могли бы убедиться, как большевики используют против нас нашу же слабость. Я не говорю даже о том, что они способны нарушить данное слово, – в этом можно не сомневаться. Но если бы мы их предложения приняли, они не замедлили бы сказать: «Когда мы ссылались на наши принципы, союзники нас оттолкнули. Когда же мы заговорили о деньгах, они нас признали».

Но что поделаешь? Мы торопимся и не можем ждать результатов эволюции, которая рано или поздно произойдет в России. Если бы решение зависело от меня, я немедленно устроил бы вокруг большевизма заграждения во избежание распространения заразы. Но я не один, и в присутствии всех представителей верховной власти союзников я вынужден руководствоваться их взглядами» [2, с. 338–339].

Клемансо «помешал заключению торговых соглашений, обсуждавшихся, к прискорбию, год спустя. Он» помешал полякам, заверив их тем не менее в поддержке наших офицеров, предпринять неблагоразумный поход на Москву. Одним словом, он избежал нескольких ошибок из числа тех, что были совершены в 1920 г. Это была негативная политика. Что она была неполноценна, это несомненно, но что возможна была какая-то иная политика, этого никто не доказал.

Это – наиболее слабое место мирного договора [2, с. 339].

В этой же главе А. Тардьё показал основные противоречия между Францией и союзниками в Версале и по пунктам отметил то, чего удалось добиться Парижу по «германскому вопросу» в ходе мирной конференции, а именно:

«1) Лига наций. Франция с первого же дня заявляет, что Гер- /мания не может быть принята в Лигу наций до тех пор, пока выполнением обязательств она не докажет своей добросовестности. Обе англо-саксонские страны, напротив, склонны согласиться с чуть ли немедленным ее принятием». В конце концов в статью 1 договора «носится французская формулировка.

2) Оккупация левого берега Рейна. Франция требует, чтобы эта оккупация продолжалась по меньшей мере столько же, сколько потребуют для своего выполнения обязательства договора, и чтобы Рейнская область получила независимость. Великобритания, к которой вскоре присоединятся Соединенные штаты, отказывает как в независимости Рейнской области, так и в длительной оккупации. После трехмесячной дискуссии договор гарантирует Франции оккупацию сроком на 15 лет с правом продолжить ее свыше этого срока, если Германия не выполнит своих обязательств или если гарантии против ничем не вызванной германской агрессии окажутся недостаточными.

3) Эльзас-Лотарингия. Франции недостаточно вновь обрести провинции, отнятые у нее Германией. Она хочет, чтобы все статьи, имеющие отношение к лицам и к имуществу, подчеркивали исключительный характер такой реституции. Английские эксперты восстают против этого; они особенно настаивают, чтобы Франция взяла на себя эльзасский и лотарингский долг, чтобы она за плату приобрела государственное имущество этих провинций; они отклоняют временный союз порта Страсбурга с портом Келем. По всем этим пунктам Франция одерживает верх.

4) Шахты Саарского бассейна. Франция требует права собственности на эти шахты. Президент Вильсон это право оспаривает и предлагает ей только право возмещения на равных началах в соответствии с тоннажем уничтоженного угля. Франция добивается права полной собственности с мельчайшими гарантиями эксплуатации.

5) Население Саарской области. Франция требует, чтобы французы Саарской области, с 1815 г. отделенные от Франции, вернулись к своей родине. Сперва Великобритания и Соединенные штаты против этого восстают. Под конец прений все население Саарского бассейна, избавленное от притеснений германского правительства, получает право через 15 лет самому избрать суверенитет, которому оно пожелает подчиниться, а до истечения 15 лет все, кто захочет принять французское подданство, его получают.

6) Австрия. Франция считает, что Австрия должна и впредь быть отделена от Германии и что при наличии пангерманских происков отделение является единственным способом защитить права народов. Великобритания и Соединенные штаты колеблются и дискутируют в течение трех месяцев. Договор запрещает заключение союза без одобрения Лиги наций, предполагающего согласие Франции, поскольку голосование должно быть единодушным.

7) Сумма репараций. Франция требует, чтобы Германия возместила если не все, чего стоила война, то по крайней мере убытки и пенсии. Англо-саксонские страны рекомендуют глобальную сумму, которая, с одной стороны, устанавливала бы германский долг по мнимой платежеспособности, определить которую не представляется возможным, и с другой – покрыла бы меньше половины наших убытков и пенсий. Франция добивается отказа от глобальной суммы, и договор обязывает Германию покрыть всю, какой бы она ни оказалась, сумму убытков и пенсий.

8) Срок германского обязательства. Франция для применения этого принципа требует, чтобы, если 30 лет окажется недостаточно для амортизации долга, платежи были рассрочены на большее число лет. Несмотря на сопротивление союзников, предлагающих, чтобы Германия была освобождена от долга по истечении определенного периода, какова бы ни была в момент окончания этого периода сумма ее платежей, французская формула вносится в статью 233 договора.

9) Условия выплаты. Франция возводит в принцип, чтобы единственным способом платежа было золото или его эквивалент в виде сырья. Союзники допускают, чтобы в сумме половины своего долга Германия расплачивалась бумажными деньгами. Договор в соответствии с французским! требованием признает средством платежа только золото.

10) Уголь. Франция хочет получить гарантии как в отношении количества, так и в отношении цен. Английские делегаты предлагают исчислить германские поставки по английским экс-, портным ценам, в результате чего Франция понесет двойной ущерб как в своих отношениях с Германией, так и в своих отношениях с Англией. Договор принимает за основу в соответствии с французским тезисом цену внутреннего германского рынка (пласт угля) для всего угля, доставляемого по железным дорогам, рекам или каналам, т. е. для огромного большинства поставок.

11) Тоннаж грузовых судов. Франция, не имевшая возможности что-либо строить во время войны, требует, чтобы ее потери (900 тысяч тонн) были компенсированы на правах приоритета. Союзники предлагают либо распределение соразмерно с потерями, что дало бы Франции 100 тысяч тонн, либо индивидуальное сохранение захваченных или интернированных судов, что дало бы ей 40 тысяч тонн. К концу переговоров Франция получает 410 тысяч тонн, т.е. 45% своих потерь, вместо 4 или 11%, которые гарантировало бы ей каждое из двух других решений.

12) Экономические статьи. Франция требует, чтобы специальные мероприятия помешали Германии конкурировать, ввиду сохранения ее промышленных возможностей, с разоренными победителями. Ссылаясь на принцип экономического равенства, подтвержденного в Четырнадцати пунктах, союзники восстают против такого специального режима переходного периода. Тем не менее договор постановляет, что в течение пятилетнего срока, могущего быть продолженным, Германия в силу требований справедливости не будет располагать правом взаимности в экономической области.

13) Военный надзор за Германией. Франция с самого начала указала на то, что разоружение Германии лишь в том случае будет иметь надежную ценность, если союзники в силу договора получают право следить за тем, чтобы она вновь не вооружалась. Соединенные штаты не согласившись признать за Советом Лиги наций общее право контроля за вооружениями, предложенного Францией, в течение нескольких недель отказывались согласиться на специальное право, которого Франция требовала по отношению к Германии. После длительной дискуссии такое право было внесено в договор.

Очевидность говорит сама за себя. Не только неверно, что Франция всегда уступала, но даже установлено, что обычно, хотя и не без борьбы, превалировала ее точка зрения» [2, с. 361–365].

Главу 13-ю, заключительную, А. Тардьё назвал «На завтра после мира», в которой с сожалением отметил многочисленные случаи искажений и ревизий Версальского мирного договора. Он предупреждал, что это может грозить новой войной через какое-то время (как в воду гладе! – В.К.). Тардьё пишет, что опасность грозит «не стороны Франции, слишком много претерпевшей от войны, чтобы не жаждать мира, а со стороны Германии, мечтающей только о реванше, со стороны пангерманизма, который все еще жив. Чтобы обезопасить себя от него и его последствий, мы воевали, мы создали мирный договор. Если хотят, чтобы мир оказался прочным, необходимо, чтобы Германия поняла, что мирный договор – нечто серьезное. Если Германия этого не понимает, если ее не заставят это понять, рано или поздно те же причины вызовут те же следствия. Опять американским юношам придется переплывать океан. Чтобы этого избежать, Соединенные Штаты теперь же, а не позже, должны занять по отношению к Германии твердую позицию. Всякое поощрение в форме уступок германским империалистам – первый шаг к осложнениям; всякое проявление раскола среди победителей – зародыш войны. Раз Америка подобно нам хочет мира, пусть она поможет нам его практически осуществить: это – единственный способ закрепить его. До тех пор, пока она будет оставаться в стороне, ее мощь будет только наруку неприятелю, с которым она еще вчера сражалась. Если американцы в этом еще не убеждены, мы приведем их в Аргоннскую долину, где 30 тысяч белых крестов могут напомнить им о том, ради чего Америка шла на риск. Она и теперь хочет того же. Ей остается только суметь выбрать способы для осуществления того, чего она хочет. Это – насущная задача. Если она не будет разрешена, всякий мир будет ненадежным и жертвы войны окажутся напрасными» [2, с. 396–397].

Он обращается со страстным призывом к руководителям английской политики, заявляя им: «Франция нуждается в Англии, но Англия нуждается во Франции. Она нуждается в ней ради своей безопасности. Если когда-нибудь агрессия восстановившей свою мощь Германии создаст для Франции и Бельгии новую угрозу на Востоке, в этот день одновременно и та тех же основаниях угроза возникнет и для Великобритании. Без Бельгии и без Франции у Великобритании нет на континенте поля сражения, где она могла бы развернуть свои силы и защищать свои берега. Когда дорога на Париж открыта для нападения, в опасности Кале и Дувр» [2, с. 398–399].

Этим строкам нельзя отказать в политической прозорливости.

Источники и литература

1. Слесарев, И.Ю. Андре Тердьё: комиссар по делам франко-американского военного сотрудничества (1917–1918 годы) / И.Ю. Слесарев // Новая и Новейшая история. – 2020. – № 5. – С. 98–109.

2. Тардьё, А. Мир / под ред. и вступ. статья Б.Е. Штейна / А. Тардьё. – М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. – 432 с.